

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИНОМИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА О НЕРАЗРЫВНОМ ЕДИНСТВЕ И ВНУТРЕННЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Морозкина Е.А.¹, Филиппова Ю.А.¹

¹ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, Республика Башкортостан, Россия (450076, Уфа, ул. Коммунистическая, 19), e-mail: lingvodidactica@mail.ru

В настоящей статье поставлена задача исследовать антиномию В. фон Гумбольдта о неразрывном единстве и внутренней противоречивости языка и мышления сквозь призму понятия национальной языковой картины мира. Настоящая идея высказывается впервые и продемонстрирована с помощью сопоставления метафоричности выражения эмоций и чувств носителей русского и английского языков на основе «температурной метафоры», в которую заложены когнитивные метафорические модели температуры. Проведённый анализ подтверждает наличие неразрывного единства и внутренней противоречивости языка и мышления носителей разноструктурных языков на примере принципиальных расхождений в выражении эмоций представителей разных культур. Кроме того, в ходе исследования удалось продемонстрировать, что проблема взаимодействия национальной языковой картины мира, с одной стороны, определяет особенности языковой коммуникации, а с другой – мировоззрение коммуникантов, что отражает своеобразие национальной языковой картины мира. Таким образом, полагаем, что антиномию В. фон Гумбольдта необходимо учитывать в ходе дискурсивного анализа метафоричности художественных текстов, созданных в рамках лингвистических моделей разноструктурных языков.

Ключевые слова: язык, мышление, мировоззрение, этнос, антиномия, национальная языковая картина мира, внутренняя форма языка, круг, температурная метафора, метафоричное выражение эмоций.

REPRESENTATION OF W. VON HUMBOLDT'S ANTINOMY OF THE INSEPARABLE UNITY AND SELF-CONTRADICTION OF LANGUAGE AND MENTALITY IN NATIONAL LINGUISTIC WORLDVIEW

Morozkina E.A.¹, Filippova J.A.¹

¹Bashkir State University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia (450076, Ufa, Kommunisticheskaya Street, 19), e-mail: lingvodidactica@mail.ru

One of the main tasks stated in the article is to investigate W. von Humboldt's antinomy of the inseparable unity and self-contradiction of language and mentality in the light of national linguistic worldview concept. This idea is expressed for the first time and demonstrated by comparing the metaphorical expression of emotions and feelings by Russian and English native speakers on the basis of a "temperature metaphor" that incorporate cognitive metaphorical models of temperature. The conducted analysis confirms the existence of inseparable unity and self-contradiction of language and thinking of multi-structural languages' native speakers as exemplified by fundamental diversity of the expression of emotions in different cultures. Furthermore, as part of the study it has been demonstrated that the problem of interaction between the national linguistic worldview, on the one hand specifies the characteristics of linguistic communication, and on the other hand determines worldview of communicants, that inevitably shows certain peculiarities of national linguistic worldview. Thus, it is suggested that the antinomy developed by W. von Humboldt should be considered in metaphorical discourse analysis of literary texts, established within the linguistic models of multi-structural languages.

Keywords: language, thinking, worldview, ethnicity, antinomy, national linguistic worldview, inner form of a language, circle, temperature metaphor, metaphorical expression of emotions.

В. Фон Гумбольдт – выдающийся немецкий деятель, живший и творивший на рубеже XVIII-XIX веков. Одним из важнейших достижений Гумбольдта считается открытие им ряда языковых антиномий – противоречий, заложенных в языке. Одной из основных задач данной работы мы видим исследование антиномии Гумбольдта о неразрывном единстве и внутренней противоречивости языка и мышления сквозь призму понятия национальной

языковой картины мира и, в частности, проведения анализа на примере «температурной» метафоры, содержащей когнитивные метафорические модели температуры и отражающей определенные несоответствия ментальных процессов представителей разноструктурных языков – русского и английского.

Вопрос о связи языка и мышления получил широкое освещение в трудах множества исследователей и до сих пор привлекает внимание своей актуальностью и неоднозначностью. Ещё немецкий деятель В. фон Гумбольдт развил идею о том, что язык – это посредник между человеком и внешним миром, и утверждал, что «в каждом языке заложено своё мировоззрение» [4, с. 346]. В исследовании природы и свойств языка Гумбольдт изучал функционирование языка в широком смысле – «не просто в его отношении к речи и к её непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [4, с. 75].

По Гумбольдту, «язык есть орган, образующий мысль», а интеллектуальная деятельность и язык представляют собой единое целое, что является необходимым, иначе, полагает Гумбольдт, «мысль не сможет достичь отчётливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [4, с. 75].

Таким образом, Гумбольдт пришёл к заключению о том, что слово есть выражение нашего собственного взгляда на предмет, нашего видения предмета. Согласно идее Гумбольдта, язык как деятельность, направленная на понимание, – это «материал», «единый источник», который «передает духовную настроенность говорящих на одном языке» [4, с. 75]. Язык и дух «сливаются в единый и недоступный нашему пониманию источник» [5, с. 71]. Язык «находится между человеком и внешним миром и рисует взору каждого человека картину внешнего мира, в соответствии с зафиксированным в языке особым мировоззрением» [10, с. 1003].

Главное в языке – это его «внутренняя сущность», «индивидуальная специфика» и, по Гумбольдту, «внутренняя форма языка». Понятие формы языка играет значительную роль в трудах Гумбольдта. Под внутренней формой языка подразумевается способ соединения понятия со звуком, мысли – с языковой материей [1, с. 347]. Гумбольдт утверждает, что форма языка – это не просто «плод научной абстракции» или «мёртвое обобщённое понятие», это «порыв, посредством которого тот или иной народ воплощает свои мысли и чувства» [4, с. 71]. Исследователь убеждён, что трудность изучения формы языка состоит в том, что, с одной стороны, необходимо рассматривать язык как единое целое, с другой – в каждом языке можно обнаружить «резко индивидуальные черты» [4, с. 72]. Исходя из данного суждения, Гумбольдт приходит к выводу, что «характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и каждый из них тем или иным и не всегда явным образом

определяется языковой формой» [4, с. 71]. В этом отношении Гумбольдт приводит оригинальное сравнение языков с человеческими физиономиями: «сравнивая их [физиономии] между собой, живо чувствуешь, что индивидуальность неоспоримо присутствует, подобия очевидны, но никакие измерения и никакие описания каждой черты в отдельности и в их связи не дают возможности сформулировать их своеобразие в едином понятии. Свообразие физиономии состоит в совокупности всех черт, но зависит и от индивидуального восприятия, именно поэтому одну и ту же физиономию люди воспринимают по-разному». Так же, по Гумбольдту, происходит и в языке: «многие языки – это не многие обозначения одного предмета, но разное рассмотрение его» [4, с. 72].

Похожее сравнение использует современный исследователь О. А. Корнилов в своей работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов». Определяя понятие национальной языковой картины мира как отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества и подтверждая тем самым идею о существовании неразрывной связи между языком и мировоззрением, О. А. Корнилов сравнивает языковую картину мира с портретом человека, у которого есть как особенно выразительные черты, так и «неспецифические» [6, с. 93-94]. Каждая национальная языковая картина мира, утверждает исследователь, фиксирует уникальное мировосприятие именно конкретного языкового сообщества [6, с. 112-113]. Так же и по Гумбольдту, «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, «круг», из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой «круг» [1, с. 346]. «Лингвистическая вербальная модель знания» является в определённом отношении «зеркальным отражением логической структуры мировоззрения» [8, с. 87].

Итак, Гумбольдт убеждён, что мышление без языка невозможно, они не существуют отдельно друг от друга, вместе формируя «языковое мышление» [1, с. 339]. Гумбольдт «ставит вопрос о языке как абстрактной системе, развивающейся и функционирующей по своим законам» [9, с. 111]. На основании данных суждений Гумбольдтом была выведена одна из важнейших антиномий языка – антиномия неразрывного единства и внутренней противоречивости языка и мышления. Полагаем, что данная антиномия В. фон Гумбольдта, а также выдвинутые им идеи о внутренней форме языка и о языковом круге послужили основой для дальнейших исследований связи языка и мировоззрения народов в рамках понятия «национальной языковой картины мира».

Национальную языковую картину мира составляют философские и психологические особенности народов, в определении которых можно исходить из следующих принципов: общей системы ценностей, зависящей от социально-экономических, географических условий и от образа жизни конкретного народа. Идея отражения системы мировоззрения в языке с

учётом когнитивного языкового развития и наших представлений о мире, безусловно, согласуется с представленной Гумбольдтом антиномией о неразрывном единстве и внутренней противоречивости языка и мышления. Мышление является своего рода резервуаром знаний о мироздании, отражающемся в языке, и определено особенностями национальной языковой картины мира носителей языка. Гумбольдт «объединяет язык, мышление и творческую активность личности, которые составляют основу любого текста» и связывают проблему изучения языка с «врождённой способностью человека к расшифровке кода, заложенного в языке» [9].

Размышления Гумбольдта о языковом «круге» или «круге понятий» в языке «каждого и даже нецивилизованного народа» [9, с. 111] непосредственно связаны с концепцией национальной языковой картины мира и определяют связь между языком и мировоззрением народов. Так, Гумбольдт убеждён, что «все попытки свести многообразие различного и отдельного к общему знаку, доступному зрению или слуху, являются всего лишь сокращёнными методами перевода» [4, с. 317]. Исследователь совершенно справедливо отметил, что в языке можно обнаружить гораздо большее количество понятий, которые «сплетены» со своим языком так тесно, что «не могут быть общим достоянием всех языков и без искажения не могут быть перенесены в другие языки» [4, с. 317-318]. Так, в русском и английском языках существует множество особенностей, присущих конкретному языку, ввиду существования различий между национальными языковыми картинами мира носителей данных языков, при переводе которых с одного языка на другой переводчик непременно сталкивается с рядом трудностей.

Особенно ярко разнообразие смысловой наполненности текстов на языке оригинала и перевода проявляется, к примеру, при сопоставлении метафоричности выражения эмоций и чувств в русскоязычных и англоязычных текстах. Метафоричность языка – это важная составная часть, являющаяся тем самым понятием, «сплетённым со своим языком» и, по Гумбольдту, непереносимым в другие языки без допущения определённых искажений. В силу различий ментальности метафоричность одного языка неизбежно отличается от метафоричности другого, что доказывает проведённый анализ так называемой «температурной метафоры», т.е. метафоры, в которую заложены когнитивные метафорические модели температуры. Существование метафорических когнитивных моделей объясняет теория, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и описанная ими в книге «*Metaphors We Live By*». В рамках подхода Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора рассматривается как когнитивный механизм и не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Эмоция, по мнению

авторов, чаще всего не выражается прямо, а осмысливается по образу некоторой другой системы, уподобляясь чему-либо [13, с. 57-58].

Данная точка зрения быстро получила широкую поддержку как зарубежных, так и отечественных лингвистов. Например, В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресян в своей статье «Метафора в семантическом представлении эмоций» отмечают справедливость подхода Дж. Лакоффа и М. Джонсона и подчёркивают его достоинства в возможности ввести в описание и толкование эмоций не только слова, но и большие метафорические выражения [1, с. 29].

Исходя из данных гипотез, был проведён анализ особенностей метафорического выражения эмоций с помощью температурных метафор, отражающих специфику национальной языковой картины мира и демонстрирующих взаимосвязь мышления, мировоззрения народа с языком. Примеры для анализа метафорического выражения эмоций персонажей были взяты из различных художественных произведений русскоязычных авторов (А. П. Чехов, Н. В. Гоголь), а также англоязычных (O'Henry, Ray Bradbury и F. Scott Fitzgerald). Стоит отметить, что выбор художественных произведений для анализа обусловлен наличием в них множества диалогов и живой речи, наполненной эмоциями и чувствами, при выражении которых авторы часто прибегают к использованию метафор и температурных метафор, в том числе.

Проанализировав примеры температурных метафор из рассказов русскоязычных авторов можно сделать вывод о том, что, в зависимости от температурной модели, представленной в метафоре, отобранные примеры можно подразделить на две основные группы, а именно: метафоры с когнитивной моделью высокой температуры и низкой температуры.

Так, на основании 59 проанализированных температурных метафор русского языка, было обнаружено 35 примеров, демонстрирующих когнитивную модель повышенной температуры. Среди данной группы метафор была отмечена тенденция к выражению таких негативных эмоций и чувств, как недовольство, негодование, или даже ярость и злость: «восставал и горячился против вашей умственной сферы» [11]; «не горячитесь, сейчас урядник приедет» [11]. Подобную ассоциацию можно объяснить с соматической точки зрения, что подразумевает уподобление повышения температуры человека при переживании негативных эмоций.

Существует множество примеров, когда когнитивной модели огня или пламени уподобляются чувственность, страсть, желание: «пламенно люблю астрономов, поэтов...» [11]; «жгучее желание» [3]. Соответствие данных эмоций моделям пламени и огня доказывает следующий пример: «но желание то погасила мысль» [3], где исчезновение чувства, желания, как правило, выражается когнитивной моделью тушения огня, пламени.

Кроме того, можно найти и соматическую основу такой ассоциации: совпадение симптомов человека, испытывающего лихорадку, жар и переживающего страстные чувства героя.

Также были найдены примеры, когда эмоции находят своё непосредственное физическое проявление в изменении цвета лица. Это подразумевает покраснение щёк и лица человека при испытании определённых эмоций. Например, при чувствах стыда и смущения, что, как показывают проанализированные примеры метафор, встречается наиболее часто: «а учительница вспыхнула и шмыгнула в соседнюю комнату» [11], «Анне Акимовне вдруг стало стыдно, что у нее горят щеки...» [11], «Щеки ее разгорелись, это ее смущало...» [11].

Всем известно отношение к огню как к явлению чрезвычайно опасному. Именно с этим фактом связано наличие в русском языке большого числа метафор, выражающих ощущение страха с помощью когнитивной модели огня: «боится женитьбы, как огня» [11].

Развивая вопрос о выражении страха и опасений, следует перейти ко второй подгруппе, выделенной в начале статьи – метафоры с когнитивной моделью пониженной температуры. В ходе исследования было обнаружено 24 данных температурных модели.

Как уже было упомянуто выше, чувство страха часто выражается когнитивной моделью огня. Но есть и такие примеры, когда это чувство представлено абсолютно противоположными понятиями – лёд: «и сердце вдруг леденеет» [3] или холод: «Городничий и прочие трясутся от страха» [3], «Я пал духом, дорогой мой, – пробормотал он, дрожа от страха» [11], «Эти слова подействовали на меня грубо... и я стала дрожать от страха и плакать» [11]. В данном случае, приведённые выдержки являются явными примерами симптоматической лексики. Физическое проявление чувств (трястись, дрожать) сравниваются с эмоциональным состоянием.

Кроме того, несмотря на значительное количественное превосходство температурных метафор с заложенной когнитивной моделью холода, выражающих страх, есть примеры, свидетельствующие об использовании таких образов, как «холод» и «процесс охлаждения», для выражения спокойствия, умиротворения. Соматическая основа данных примеров метафорических моделей – это, с нашей точки зрения, охлаждение температуры тела человека при расслаблении или успокоении после переживания определённых бурных эмоций: «хладный сон» [11]; «– Остыньте, а я пойду посмотрю, что с ним» [11]. Данные когнитивные модели («холод» и «охлаждение») также могут метафорически характеризовать жестокость героев: «холодная кровь» [11]; «начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически» [3].

Для анализа английских метафор температуры было собрано 53 примера, 29 из которых – модели низкой температуры, что отличает процесс концептуализации метафор, а значит, и образ мышления англичан от русских. В ходе исследования было замечено, что среди

моделей низкой температуры в английской речи наиболее часто встречающейся когнитивной моделью является понятие «холод».

Данная модель может использоваться для выражения равнодушного отношения героя к чему-либо или кому-либо: «Her dislike was evident in the coldness with which she spoke» [12]; «she said, with a sudden coldness» [14]; «Bobby was coldly regarding the scene» [14].

Нередко холод уподобляется негативным эмоциям. Поэтому встречаются примеры, демонстрирующие строгость, жестокость характера героя с помощью данной когнитивной модели: «asked the Kid, with cold dignity» [14].

Суровость (а иногда и в комбинации с его равнодушным отношением) часто может выражаться не только исключительно языковыми способами, но и с физиологической точки зрения, что также реализуется метафорически.

Так, подобные температурные метафоры используются в описании глаз человека, а именно его безразличного или жёсткого взгляда: «a look of cold suspicion» [14]; «dark eyes with a cold flash in them» [14].

Как и русскому языку, английскому свойственно сравнение понятия холода с чувством страха и ужаса: «her voice rose to a scream that sent a chill to Harry's heart» [12]. Причина данной ассоциации была упомянута в анализе сходных по когнитивной модели русских примеров.

Некоторые метафоры используют этот же образ для выражения хладнокровности или даже отсутствия отражения каких-либо чувств, например, на лице человека: «icy-cold face» [12]; «cold, marble face that chilled the noonday» [14].

Что касается когнитивных моделей повышенной температуры, многочисленно выраженных в русском языке, английскому языку менее характерно уподобление эмоций таким образом, как огонь, пламя, кипятик и т.п. В ходе исследования было обнаружено 24 подобных примера.

Так, процесс горения, а именно когнитивная модель огня нередко обладает тенденцией к выражению негативных эмоций героев, как, например, ярость и злость: «The Guadalupe country is burning up about that old Dutchman I plugged down there» [14]. В этом английский образ мышления, а также и процесс концептуализации эмоций ярости и гнева, в определённом отношении похож на русский.

Важно отметить, что в английском языке прослеживается тенденция использования когнитивной модели повышенной температуры в описании стрессовых, напряжённых ситуаций, например, ссор: «a heated argument» [14]; «arguing with myself quite heated» [14].

Как и в вышеописанных неоднозначных случаях, встречающихся среди температурных метафор в русском языке, английские метафоры также могут нести когнитивную модель с

нейтральным смыслом, т.е. обозначать что-то среднее, не горячее и не холодное. Такие примеры следует отнести к группе метафор с когнитивными моделями, связанными с понятием «теплота». В английском языке, также как в русском, теплота чаще ассоциируется с положительными чертами характера, а именно добротой, сердечностью и нежностью: «a warm glow settled over him» [12]; «he waited in the dark street <...> all warm and glowing» [12].

Из рассмотренных примеров, очевидно, что в русском языке больше метафор с когнитивными моделями, выражающими такие понятия, как огонь, пламя, горение, тогда как в английском языке, напротив, преобладают метафоры, связанные с понятиями холода, льда и охлаждения, что, безусловно, связано с понятием национальной языковой картины мира.

Данные наблюдения свидетельствуют о том, что, поскольку русские ассоциируют свои чувства с огнём и возгоранием, их эмоциональные языковые образы динамичны. Особенностью русской культуры общения, таким образом, является открытое и неконтролируемое проявление эмоций. В то же время характерной чертой культуры англоязычного общения является сдержанность и замкнутость в выражении чувств. Именно это качество, нашедшее отражение в национальной языковой картине мира англичан, относится к важнейшим ценностям английской коммуникативной культуры, а выражение негативных эмоций особенно неприемлемо среди носителей английского языка.

Как показывает проведённое исследование, проблема взаимодействия национальной языковой картины мира, с одной стороны, определяет особенности языковой коммуникации, а с другой – мировоззрение коммуникантов. Связь языка и мышления, как было отмечено выше, исследовалась ещё В. фон Гумбольдтом, который видит её сквозь призму «внутренней формы языка» и «языкового круга», понятий, разработанных им и заложивших основу для дальнейших лингвистических исследований, в частности, проблематики национальной языковой картины мира. Таким образом, полагаем, что антиномию В. фон Гумбольдта необходимо учитывать в ходе дискурсивного анализа метафоричности художественных текстов, созданных в рамках лингвистических моделей разноструктурных языков.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00185.

Список литературы

1. Амирова Т. А. История языкознания: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский; Под ред. С. Ф. Гончаренко. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 672 с.

2. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. - № 3. – С. 27-35.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. – М.: Издательство АН СССР, 1937-1952. – Т. 3.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 200. – 400с.
5. Звегинцев В. А. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. — М.: Просвещение, 1964. – С. 73-103.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
7. Морозкина Е. А. Герменевтика в филологии, лингвистике и переводоведении // Вестник Башкирского Государственного Университета. – 2012. – Т. № 17. - № 1. – С. 154-157. – ISSN 1998-4812.
8. Морозкина Е. А. Роль лингвистики в развитии научных знаний // Успехи современного естествознания. – 2009. - № 6 – С. 87-88.
9. Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А. Лингвистическая система Вильгельма фон Гумбольдта у истоков герменевтической модели перевода // Вестник БашГУ. – Уфа, 2014. – Т. 19. - № 1. – С.110-113.
10. Фаткуллина Ф. Г., Сулейманова А. К. Языковая картина мира как способ концептуализации действительности // Вестник БашГУ. – Уфа, 2011. – Т. 16. - № 3 (1). – С. 1003.
11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. – Т.1. – М.: Наука, 1983.
12. Fitzgerald F. Scott. Flappers and Philosophers – сборник, 1920.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago, London: The Univ. of Chicago Press, 1980 – 276 p.
14. O’Henry. New Yorkers -Short Stories (Oxford Bookworms). Oxford University Press, 2008.

Рецензенты:

Фаткуллина Ф.Г., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русской филологии Башкирского государственного университета, г. Уфа.

Каримова Р.А., д.ф.н., профессор, кафедра современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г. Уфа.